

сильным средством выразительности. И разве при новом прочтении, например, его короткого рассказа «Крокодил, необыкновенное событие или пассаж в Пассаже» не возникает мысль, что это произведение несет в себе все элементы так называемого театра «абсурда», только более глубокие, концентрированные и общественно целенаправленные?

Возможностей целенаправленно, общественно остро трактовать сегодня Достоевского много. Несмотря на противоречия в развитии своих взглядов, Достоевский как глубоко чувствующий, гениальный художник постиг объективные законы общественного развития и отобразил их. На творчество Достоевского во многом распространяется та аналитически ясная и дальновидная концепция, с которой В. И. Ленин подходил к произведениям Льва Толстого, назвав их зеркалом русской революции. Эта формула кроет в себе большие и еще неиспользованные возможности в освоении русской и мировой культуры.

Мы — богатые наследники и учимся придавать этому наследию новое, современное звучание.

П. ПЕТЕРСОН,
заслуженный деятель искусств АССР.

трагизм интимной жизни человека врываются любопытные и безжалостные взгляды. Эта столь характерная для многих романов Достоевского атмосфера в спектакле воссоздана ярко и впечатляюще. Раскольников Г. Бортникова, в особенности финал роли, — новое творческое достижение в трактовке этого образа.

Качественно новая ступень, которой достиг в своей постановке Завадский, есть сумма связанных с творчеством Достоевского многих поисков театрального искусства последних лет. К ней должен быть отнесен также известный советским зрителям эксперимент польского режиссера, ныне директора и художественного руководителя варшавского Национального театра Адама Ханушевича над этим же романом Достоевского. Все это открывает новые перспективы в сценической судьбе писателя, которые, вероятно, используют авторы драматизаций и режиссеры. Разве не ждет нового раскрытия — после классической постановки в Московском Художественном театре — «Село Степанчиково»? Сатира Достоевского — психологически глубокая, меткая, общественно острая — мне кажется, остается пока еще мало исследованным и мало использованным, но

дополняют широкую картину Достоевского, которая особенно в последние годы создается на советской сцене и киноэкране. Как вершины можно упомянуть экранизацию «Братьев Карамазовых» Пырьевым и постановку известного режиссера Ю. Завадского — инсценированный им роман Достоевского «Преступление и наказание» в Театре Моссовета под названием «Петербургские сновидения».

Именно эту постановку хочется рассматривать как новую блестящую трактовку Достоевского в театральном искусстве вообще. Завадский открыл на сцене драматизм Достоевского в его глубокой сути, в широком общественном диапазоне. Это не только психологически интересные столкновения отдельных людей, это — широкая драма общества того времени, философская драма, это тот драматизм самой жизни, который пронизывает все творчество Достоевского и который так стремится найти современная драматургия, нынешний театр. И находит, и раскрывает его в новом качестве в произведениях Достоевского. Знаменательно оформление упомянутого спектакля — старый петербургский «дом от жильцов» как бы в разрезе — с дверями, окнами и щелями, через которые в тайны и

Литературоведы говорят о нескольких значительных направлениях в современной прогрессивной литературе, на создателей которых Достоевский оказал глубокое влияние. Такие связи есть и у латышской литературы. Этот процесс еще тщательно не изучался, и здесь для исследователей открывается широкое поле деятельности. Была ли попытка провести какие-то сравнения, например, между «Бесами» Достоевского, а именно — сурово сатирическими элементами этого романа — и «Временами землемеров» братьев Каудзит? Такое предложение может вызвать удивление, но следовало бы попробовать это сделать, и тогда открылись бы интересные, знаменательные параллели.

Весьма обширно количество постановок произведений Достоевского на латышской сцене за последнее десятилетие. «Преступление и наказание» в Академическом театре, драмы «Униженные и оскорбленные» в Театре юного зрителя, «Идиот» в Академическом Художественном театре имени Райниса, в перспективе — недавно законченная инсценировка В. Розова по мотиву романа «Братья Карамазовы» под названием «Мальчишки» — снова в Театре юного зрителя. Эти произведения лишь немного

много лет в далеком городе, например, в Риге (а таких городов — сотни) какой-то человек (а таких людей — тысячи) соприкоснется близко-близко с его текстом, постарается прочувствовать смысл каждого слова, проанализировать эти слова, и главное, что эти слова станут бесконечно нужны ему и его современникам в их буднях? Наверно, не вообразил. И Достоевский — тоже, с произведениями которого такое соприкосновение происходит сегодня особенно интенсивно. Он только творил, глубоко, тонко, до боли конкретно чувствуя людей своего времени и своего окружения. Он, создавая, с каждым образом приходил в это странное соприкосновение, и поэтому его ощущаем и мы. Если есть писатели, о которых можно сказать, что, читая их, мы переживаем ощущение присутствия, то о Достоевском следует сказать, что читая его, мы переживаем соучастие. Это самая активная форма восприятия. Это высокая ступень реализма. И тем выше она потому, что это соучастие в жизни изображенных Достоевским героев одинаково сильно чувствуют люди различных наций. Распространенность переводов все же является высшим критерием величия писателя и оценкой его общественного значения.

ПЕРЕДО мной роман Достоевского. Поздняя ночь, и нужно работать: я должен драматизировать этот роман. По сути, не драматизировать, ибо он насыщен драматизмом, а отобрать необходимое, сократить, чтобы возник сценический вариант. Поздняя ночь. 1968 год. Со времени написания романа (это — «Идиот») прошло сто лет, с рождения писателя — скоро уже 150. Я нахожусь за тысячу километров от того места, где писатель родился, и так же далеко от тех мест (Германия, Швейцария, Италия), где написан этот роман. Но эти тысячи километров, эти годы, все, что могло бы воспрепятствовать, исчезает в этот ночной час, в этой комнате, где я нахожусь. Мне открывается внутренний мир образов Достоевского, и я могу свободно работать.

Я как бы прихожу в тесное соприкосновение с писателем. Он здесь. Сейчас. Такое творческое соприкосновение не должно удивлять, оно возникает часто, и при переводе, и при воссоздании далекой эпохи писателей далекой страны, и все же в такие моменты меня всегда охватывает странное, удивительное чувство: когда писатель творил, вообразил ли он хоть на мгновение такую возможность, что через много-